Красная Шапочка и злые волки

Ее просьба о помощи больше похожа на попрошайничество

Коллаж Ирины ЖУРАВЛЕВОЙ.

ЭТА ЖЕНЩИНА появлялась у нас в редакции дважды. Вряд ли кто обратил внимание на посетительницу, если бы не ее ярко-красный берет и аляпистый, чуть ли не из той революционной эпохи, кожаный плащ с широким ремнем на талии. Она робко, почти крадучись, зашла в наш кабинет и осторожно, словно боясь сломать, села на краешек стула.

– Поговори со своей землячкой, – попросил главный редактор. – Что-то у нее в жизни не заладилось. Может, чем помочь сможем?

Она разошлась с мужем и приехала в Магнитогорск из Казахстана вместе с сыном. В отличие от других лишенцев из бывших советских республик, которые чуть ли не толпой ринулись в Россию в начале 90-х годов, она приехала не на пустое место – от мамы осталась благоустроенная комната, куда они и поселились. Жизнь постепенно входила в привычное русло: сын устроился на железную дорогу, стал приносить в дом деньги. Правда, на разные лакомства не хватало, но не бедствовали, как некоторые, сполна вкусив «прелести» своей исторической родины. У него появились друзья, а через время – девушка, с которой он решил связать судьбу. Не знаю, неожиданным ли было для нее решение сына жениться на иностранке, но когда он сообщил ей об этом, весь смысл ее жизни переместился в одну точку: где найти деньги на свадьбу?

Что можно сделать путного с халявщиками?

У каждого из нас возникают проблемы, решение которых зависит от наличия определенной суммы денег. Кто-то с квадратными глазами носится по знакомым и родственникам, чтобы перехватить недостающую сумму на зеленый джип, другой занимает у соседа сотенную до получки на прокорм и проезд на работу. Есть немало и тех, кто научился в нынешних непростых условиях вести домашнее хозяйство таким образом, что и при сравнительно небольших доходах умудряются и колбасу хорошую кушать на завтрак, и одеваться прилично, и в отпуск на море всей семьей съездить. Но в любом случае потребности соизмеряются с личными финансовыми возможностями. Что там скрывать: иногда приходится скрупулезно подсчитывать чуть ли не каждую копейку, расписывая по скромным полочкам месячную зарплату и надеясь лишь на самого себя.

Оказалось, что у нашей посетительницы на этот счет особый взгляд. Потому и обрушились ее слова для находящихся в редакционном кабинете как снег на голову:

– Я знаю, что комбинат богатый, зарплату приличную рабочим платит, помогает многим, – начала Красная Шапочка тихим голосом. – Вот и я решила к вам обратиться: помогите деньгами на свадьбу сыну.

И, опасаясь, что ее не выслушают до конца, заторопилась:

– Мне много не надо, всего пять тысяч.

– Вы думаете, что уложитесь в пять тысяч рублей? Цены сейчас такие, что и на костюм свадебный вашему сыну не хватит…

– Я не рублями прошу, мне пять тысяч долларов нужно…

– Сколько, сколько?

– Пять тысяч долларов, – подтвердила она, нисколько не смущаясь.

Обычно в таких случаях говорят: «У меня от ваших слов аж челюсть отвисла…» Челюсти у нас с коллегой остались на месте, но желание вести беседу с посетительницей в корректно- учтивом тоне почему-то пропало напрочь. Такой «смелости» никто из нас не ожидал.

– Вы серьезно считаете, что кто-то вам подарит или одолжит такую сумму? – опр[illegible]вившись от шока, спросил я Красную Шапочку. – Ведь в переводе на рубли это почти [illegible]еподъемная сумма для прилично зарабатывающего специалиста, а у вас и постоянного места работы нет.

– Комнату продам и рассчитаюсь, – продолжала гнуть свою линию дама.

– А сами где жить будете? Сын со снохой?

– Как-нибудь выкручусь…

Долго, до отвращения к своему голосу доказываю нелепость ее настойчивости, абсурдность мотива, который движет ею.

– Но ведь он мой сын, я обязана устроить его жизнь, – уже громко, с обидой и раздражением в голосе прозвучали эти слова.

В кабинете установилась тягостная тишина. Казалось, что между нами и посетительницей возникает невидимая стена, которая разделила мир надвое: она – добрая, но несчастная мать, а все мы – сытые и злые волки, для которых ее заботы – пустяк. Получалось, что все понятно и важно только по эту, ее сторону – любая царапинка болит. А то, что по другую сторону, – это мелочи и ее совершенно не касаются. Ей важно заполучить деньги – любой ценой, не задумываясь о том, что просьба о помощи больше смахивает на попрошайничество, а элементарное человеческое достоинство разменивается на застолье, пусть даже и знаменательное в жизни, но не стоящее того, чтобы ходить по людям с протянутой рукой.

Действительно, наш металлургический комбинат не бедствует. Он может помогать детским домам, выделяет крупные суммы на дорогостоящие медицинские операции как своим работникам, так и другим магнитогорцам, оказывает материальную помощь своим и «чужим» пенсионерам. Считается обычным, что за счет предприятия ветеранам ремонтируют квартиры, помогают деньгами, если человек попал в беду. Мы уже не говорим о тех миллионных средствах, которые ежегодно вкладывают в строительство баз отдыха и развитие спорта по мировым меркам. Но чтобы «отстегивать» на празднование свадеб, дней рождения и других знаменательных дат... У большинства есть и чувство меры, и совестливость, и понимание того, что комбинат не бездонная бочка, из которой можно грести деньги лопатой на так называемую халяву.

Можно по-разному относиться к подобного рода просителям: с сочувствием и пониманием или строго осудить. Одно непонятно – неужели не все еще поняли, что времена комсомольских свадеб, когда все расходы на торжество брало предприятие, давно канули в Лету? Или расчет на то, что, глядишь, где-то и «клюнут», пустят слезу от жалости и отстегнут желаемую сумму? Вряд ли только сейчас это получится. Тот, кто зарабатывает деньги честным трудом, пусть даже в собственном магазине, знает настоящую цену рублю. Можно помочь немощному старику, инвалиду, попавшей в беду семье, но когда у тебя просит здоровый, с руками и ногами человек, способный заработать себе на хлеб с маслом, то вместо сострадания приходит раздражение. Получается, что он хитрый и умный, а ты простачок-дурачок «паши» и дальше, корми свою семью и его, великомученика, не забывай, дай – кому на опохмелку, а кому и на свадьбу.

Визит Красной Шапочки всколыхнул и другие мысли – как отца двоих детей и внучки-школьницы. К каждому неизбежно приходит время, когда он живет прежде всего детьми. Гордимся ими, горюем о них, сокрушаемся, сострадаем. Мы к этому времени уже знаем, что выстояли в жизни, состоялись. Переживать остается только за них. Переживать и помогать материально в меру своих сил и возможностей. Не в этом ли наша сила, что есть о ком заботиться? Не в том ли, что их благополучие зависит от нас, родителей?

Все вроде бы по уму и по совести, но и тут нужно знать чувство меры. Сильно сомневаюсь, что мы принесем пользу своим детям, если позволим тянуть из нас семь жил. Да и государству будет накладно: что можно сделать путного с халявщиками? Лично я против такой трогательной заботы.

…Громко хлопнув дверью, Красная Шапочка вышла из кабинета. Так и не убедили мы ее в том, что ножки надо протягивать по одежке.

Владимир РЫБАК.

Байки уездного города М...

ТРАМВАИ И АВТОБУСЫ – не роскошь. И даже – не средство передвижения. Это маленькие домики на колесах, в окнах которых всегда новый, не приевшийся пейзаж. И если легковушки можно сравнить с индивидуальными коттеджами, то трамваи – с былой шумной коммуналкой. Люди в них общаются, любят, ненавидят, страдают и радуются. И как на ладони видны здесь людские нравы, пороки и добродетели.

«Консул»

Едет молодая женщина-пьянчужка – ей нет и тридцати – и рассказывает на весь вагон о своей жизни. Места, где мы проезжаем, вызывают у нее воспоминания о событиях или людях, о квартирах, где она жила, о подругах и любовниках. А пассажиры будто совершают трамвайную экскурсию по городу и по ее жизни. Одни уходят, другие заходят, а она продолжает рассказ. Как герой фильма «Форрест Гамп». Только тот сидел на скамейке в парке. И так искренне рассказывает и о плохом и о хорошем, что не знаешь: то ли смеяться над ней, то ли плакать. На Центральном рынке пьянчужка указывает на один из домов и радостно восклицает:

– А здесь я у одного парня ночевала, я у него еще одеколон выпила в ванной, «Консул» называется…

И последнее, что я услышала, выходя из трамвая, это ее сокрушенное:

– А вот как парня звали, не помню…

Белые носки

Два мужика в трамвае. Оба заросшие, несвежие. Один, видно, знал лучшие времена. Выдает деталь: синяя куртка «Табани», такие раньше давали по бартеру, весь город носил. Шик тех времен: белые носки, полоска которых выглядывает между слишком короткими брюками и нечищеными ботинками. Всю дорогу едут в полном молчании. Около курантов который в «Табани» говорит спутнику:

– Когда я вернулся из Афгана, здесь жила моя подруга. Я забрался на соседний дом и написал напротив ее окон «Доброе утро, милая фея! Прости за любовь».

И они опять погружаются в молчание, вспоминая то ли Афган, то ли то время, когда они ходили по Магнитогорску. Молодые и в белых носках…

В тесноте

Бывает, народу в трамвай много набивается. Но чтобы так! Зима, все в дубленках, шубах, пуховиках – не протолкнуться. Теснота, вопреки пословице, неминуемо должна перейти в обиду: то ли сорвут злость на кондукторе, которая по долгу службы должна по вагону перемещаться, то ли опять начнут обсуждать цены на продукты в соседнем магазине. И – до кучи – проблемы государственного масштаба. Или кому-нибудь наступят на любимую мозоль, и начнется крик. Когда атмосфера накаляется до предела, в вагон заходит мама с ребенком лет пяти. Ребенок протискивается за матерью в середину вагона и громко ворчит «с высоты» своего роста:

– Толстые жопы, толстые жопы, одни толстые жопы!

Раздается дружный смех. И раздражение уходит, будто его и не было.

Партизаны

В маршрутку заходят несколько человек, все выглядят вполне платежеспособно и респектабельно. Кроме какого-то деда в старом пальто и в шапке из тех, про которые говорят: если носить кроличью шапку больше трех лет, она превращается в медвежью… Кондуктор, пенсионерка лет шестидесяти, сообщает нейтрально и вроде бы ни к кому не обращаясь:

– Это маршрутное такси, льгот нет.

Дед все равно заходит, но не садится и напряженно замирает у двери. Маршрутка трогается, кондуктор подходит к деду:

– Восемь рублей, пожалуйста!

– У меня льготы, – с вызовом отвечает дед.

Несколько секунд смотрят друг другу в глаза, и кондуктор устало произносит:

– Что стоите? Садитесь…

– В нашем городе появились партизаны и полицаи, – неожиданно говорит дед. – Мы, партизаны, от вас прячемся. А вы, полицаи, нас ловите.

И еще долго продолжает кричать на опешившую женщину. Высказывает ей все свои «домашние заготовки», действительно чувствуя себя партизаном в тылу врага, не желая признать, что никто его ловить не собирается. В особенности эта уставшая пожилая женщина, которая сама-то получает небольшую пенсию и пошла работать, чтобы свести концы с концами.

Евгения ШЕВЧЕНКО.